

Д.Ю. Брагилевский

ОБЪЕКТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ СТУДЕНТОВ-ХУДОЖНИКОВ, ПРИСТУПАЮЩИХ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА, И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ ПРЕОДО- ЛЕНИЯ

Аннотация

Внимательный анализ проблем, возникающих у студентов-художников на начальных этапах занятий иностранным языком, позволяет избежать некоторых типичных трудностей за счет построения ряда учебных заданий на тех же принципах, которые уже знакомы студентам по занятиям на профилирующих для них дисциплинах. При тесном взаимодействии практических и теоретических аспектов и с обязательной опорой на понимание всех выполняемых учащимися операций, появляются основания рассчитывать на постепенное формирование базовых знаний, которые могут служить основой для более углубленного изучения иностранного языка в дальнейшем, что может потребоваться для решения задач, связанных с профессиональной деятельностью.

Ключевые слова: изучение иностранного языка, поиск новых подходов, теория и практика преподавания.

Dm. Yu. Bragilevsky

ART-STUDENTS' VERIFIABLE DIFFICULTIES ARISING AT THE INITIAL STAGES OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE, AND POSSIBLE WAYS OF OVERCOMING THEM

Abstract

A thorough analysis of the problems encountered by art-students at the initial stages of learning a foreign language offers an opportunity to avoid some regular difficulties by means of setting up certain academic tasks on the very same principles that the students are already familiar with through the classes in the subjects related to their dedicated field of studies. Putting practical and theoretical aspects in close interaction, and alongside with indispensable emphasis on comprehension of all the actions the learners perform, it is only reasonable to expect a gradual build up of the knowledge base to serve the foundation for a more in-depth study of a foreign language in the future, which might be needed to reach the goals connected with professional activities.

Key words: learning a foreign language, a search for new approaches, practical and theoretical aspects of teaching.

Современному человеку приходится постоянно учиться. Мы учимся естественным путем в детстве, «проходим» предметы в школе, получаем образование в вузе. Все это, поначалу бессознательно, а потом и осознанно, мотивируется «светлым будущим» успеха в дальнейшем и поощряется оценками или похвалами. Стремление к зримым результатам в большинстве сфер деятельности понятно и оправданно. По ним можно судить о достигнутом, они воодушевляют на большее. В сочетании с природными склонностями и предпочтениями, служащими мотиваторами, они помогают проецировать вероятную возможность уверенного овладения необходимыми профессиональными навыками и достижение определенных высот в предпочтительной для нас области знаний.

Важнейшим этапом реализации этой цели служит высшее специальное образование, благодаря которому учащиеся постигают премудрости будущей профессии, углубленно изучая предметы, непосредственно связанные с конкретной сферой деятельности. Кроме того, подготовка всесторонне образованного специалиста предусматривает освоение некоторых фундаментально важных дисциплин, среди которых – иностранный язык, дающий возможность получать интересующую специалиста информацию непосредственно из первоисточников, а в идеале – напрямую контактировать с иностранными коллегами, участвовать в конференциях, делать доклады, писать и публиковать статьи и т.д.

Изучение иностранного языка как непрофильного предмета не подразумевает выход на тот же уровень компетенций, что и в основных дисциплинах, имеющих непосредственное отношение к будущей профессиональной деятельности учащихся. Особых высот не требуется, нужен только прочный фундамент, на котором в дальнейшем каждый по необходимости сможет надстроить нужный уровень знаний. Но и на его создание зачастую уходят значительные усилия. Язык – сложный код, и с помощью этого кода происходит общение с теми, кто может и готов его применять. Им практически невозможно пользоваться неправильно, сам код этого не допускает. Хотя в процессе выбора средств, а тем более тематики, допустимы варианты, почти невозможны расхождения в написании / произношении или своевольная интерпретация значений. Скорость обмена информацией и бесконечность сфер применения – еще одна проблема. Также из-за минимума используемых в языке исходных знаков в нем присутствует огромное количество их комбинаций, часто отличающихся лишь одним малозаметным признаком. Дополнительно выработались и другие весьма разнообразные способы передачи значений: вариации длины, глубины и качества отдельных звуков, изменение интонационного рисунка, смещение ударений, игра оттенками многозначных слов, паузы, т.п.

Для многих иностранный язык еще со школы представляет значительную трудность, конкретные причины которой кроются не только в упущенных за период школьной «подготовки» знаниях, и, следовательно, в неуверенности и психологических барьерах (на них любят списывать неудачи), но и из-за особых требований к процедуре освоения этого предмета, предъявляемым самой его спецификой ко всем, кто им занимается, и без чего изучение языка со сколько-нибудь осязаемым результатом оказывается малореальным. Речь идет о ежедневной методичной работе с языком, о необходимости для получения целого видеть и связывать между собой частности, постоянно держать в голове и узнавать похожие и потому постоянно путающиеся показатели, проверять произношение слов или помнить множество произносительных правил, продумывать, особенно на начальных этапах, каждый шаг, учитывая сразу все параметры одновременно. Есть и целый ряд других объективных трудностей и коренных отличий от других дисциплин, включая и те, что связаны с изучением изобразительного искусства, и это необходимо учитывать всем, кто преподает иностранный язык художникам.

Эти две сферы объединяют происходящие в них постоянные операции с хранящимися в сознании человека ментальными образами – слепками с реальности, в мельчайших подробностях отраженными в языке в виде слов и конструкций. Эти образы используются в качестве отправных точек для любых операций, так или иначе связанных с внешним для человеческого сознания миром [2], что характерно и для вербального общения, с его постоянным переформатированием словесных обозначений в представления и ассоциации, и для создания произведений искусства, особенно, когда художник хотя бы частично работает по памяти, что многие профессионалы считают важным [7, р. 85-87] и даже обязательным аспектом [6, р. 262]. Поиск дополнительных возможностей обеспечения наиболее благоприятных и результативных способов изучения иностранного языка студентами-художниками, несомненно должен учитывать данные факторы.

Хотя в ряде предыдущих статей, напечатанных в сборнике «Месмахеровские чтения» за 2015-2019, мною уже проводилось принципиальное сравнение вербального и визуального, попробуем подойти к этой проблеме с другой стороны, рассмотрев некоторые конкретные отличия или совпадения, непосредственно влияющие на сам порядок обретения знаний. В этом процессе, как известно, обязательно сосуществуют и понимание, и навыки исполнения,

без которых невозможно не только творчество, но любой другой вид деятельности. Такое сравнение позволит выстроить приоритеты в практической работе и выбрать наиболее подходящую последовательность действий с учетом факторов, способствующих или, напротив, замедляющих освоение предмета на начальном этапе.

Заметим, что понимание рисунка или картины, выполненных в традиционной манере, обычно не требует специальной, а тем более длительной подготовки. Их способен понять и по-своему оценить практически любой, хотя, естественно, восприятие у всех разное. Оно зависит от общего уровня образования и культуры, от фоновых знаний и эстетического опыта, и может значительно отличаться у случайного человека и профессионального критика. Относительная легкость понимания хотя бы внешнего сюжета картины даже несведущим зрителем происходит также из-за имитации в ней ситуации, схожей с известной или понятной через ассоциации и аналогии (подтексты и тайные смыслы доступны лишь посвященным). К тому же картину можно долго разглядывать, постепенно проникаясь и внешней красотой и глубиной смыслов, открывающихся внимательному наблюдателю, что-то выяснить о ней, об авторе, об эпохе и, возвращаясь к ней снова и снова, увидеть больше и понять ее лучше.

В звучание иностранной речи в исполнении носителей языка, всегда выстроенной по строгим правилам, можно вслушиваться сколько угодно и даже смотреть одни и те же эпизоды на видео. В лучшем случае людям с хорошим слухом удастся разобрать пару слов и даже их сымитировать (легче всего восклицания) и то, возможно, с большими искажениями или невпадом. Что-то можно догадаться по видеоряду. Если только это не запись, невозможно ни остановиться, ни обратиться за дополнительными техническими данными, проверив незнакомые слова и конструкции, которые нужно уметь распознать. Еще сложнее в ситуации живого общения, где обязательны мгновенное понимание и реакция на реплики говорящего или других участников беседы. Только длительные занятия, специальные тренировки, большой багаж знаний и практический опыт, дают надежду на адекватное восприятие и правильную интерпретацию информации. С текстом ситуация примерно такая же, хотя все же работа с ним легче, несмотря на то, что в литературном языке принято использовать сложные конструкции и более длинные предложения, насыщенные метафорами и аллюзиями. Текст можно перечитывать, анализируя и форму и содержание, при необходимости находя ответы на незнакомые явления в словарях и в грамматических справочниках. В будущем весьма вероятно появление возможности получения качественного перевода в интернете. Правда, пока даже лучшие онлайн переводчики очень далеки от совершенства [1, с. 29-32].

Наглядная понятность изображения (картины, фрески, панно) обеспечивается не только возможностью сразу охватить его взглядом, при том что какие-то детали могут ускользнуть, а подтекст и аллюзии не сразу быть замечены. Возможность соотнести сюжет с понятной ситуацией помогает ее запомнить, что также происходит, когда неповторимый колорит или уникальная манера исполнения оставляют в сознании неизгладимый след, и поэтому к такому изображению можно мысленно возвращаться многократно, все более в него вдумываясь. Язык, как я уже отмечал раньше, изобразителен только для носителей, а для начинающих кажется нагромождением звуков, а то и шумов, если это устная речь, либо бесконечно повторяющимися рядами букв и пробелов, если это текст. Только носители и хорошо его знающие иностранцы видят его как упорядоченную данность, напрямую связанную со смыслом, который можно визуально представить. И тогда также появляется возможность обдумать полученную информацию, или созданный автором романа образ.

Особенностью функционирования языка также является необходимость помнить данные, уже поступившие в продолжающемся линейном потоке речи или построчном развертывании текста, одновременно встраивая новое в уже принятую информацию и мгновенно соотнося между собой формальные показатели слов, конструкций и предложений. В то же самое время происходит проверка смысловых связей между ними, перебираются возможные значения и сравниваются соответствия с хранящимися в памяти эталонами. Обязательно учитывается конкретный контекст. Все это происходит очень быстро и часто рассчитано на мгновенную реакцию.

Визуальные образы, представленные наглядно в живописи или скульптуре, не всегда бывают детально проработаны. Более того, какое-то произведение может остаться неоконченным, а рисунок – только намечен, однако изображение все равно узнаваемо. Иногда нужна мысленная «правка» для того, чтобы, не зная оригинала, подобрать соотносимый эталон – общее для всех, даже несмотря на неизбежную субъективность индивидуальных мнений, представление о предмете или явлении, поскольку узнавание в любом случае строится на сопоставлении обобщенных моделей относительно стереотипного видения вещей или явлений и их параметров. В некоторых произведениях специально присутствуют недомолвки или размытость деталей либо очертаний, что позволяет вовлечь зрителя в увлекательное занятие сотворчества.

Однако даже простейшее слово или фраза, особенно, когда они произносятся в живой речи, должны быть максимально приближена к эталону. Вся коммуникация строится на совпадении эталонов (та же опора – в предварительном знании), одинаковых у всех уверенных пользователей данного языка и домыслить ее, угадав, что имеется в виду не всегда удается, если только они не встречаются в исключительно однозначном контексте. Когда же лакуны или деформации значительны, их вообще нельзя домыслить. Минимальная достаточность языковых форм – целый комплекс параметров. Причем, кроме самых общих моделей построения разного типа высказываний (их можно наполнить почти любым содержанием), желательнее точно знать вербальные ярлыки, которыми обозначаются вещи и явления, так как в различных комбинациях даже самые обычные слова могут очень сильно отличаться нюансами, а значит и соотноситься с разными значениями. К тому же многие понятия и ситуации именуется не столько по правилам, сколько в соответствии с традициями языка, что приходится запоминать отдельно.

На практическом уровне начинающих ожидает еще больше проблем. Так, к примеру, любой человек, включая и совершенно незнакомого с азами рисунка, в состоянии провести несколько линий, поставить несколько точек или кое-как заштриховать тень, пусть и не аккуратно, и не совсем там, где нужно. По такому изображению, даже имеющему большие искажения, но все равно обладающим той или иной степенью минимальной схожести, можно получить некоторое представление о реальности (в крайнем случае, приложив определенные усилия), подобие которой самостоятельно пытается представить начинающий, поскольку у нас всегда есть опора в известных всем образцах. Более того, если это человек наблюдательный, умеющий думать, анализировать и делать выводы, а также видевший, как рисуют профессионалы, «проба карандаша» может оказаться не столь очевидным фиаско. А еще бывают самородки – прирожденные художники, хотя и им вряд ли удастся достичь уровня полноценного академического рисунка. Есть также случаи самостоятельного освоения основ рисунка по книжкам и образцам.

В то же время без посторонней помощи и минимальных навыков, за которыми должны стоять определенные знания и умения, добытые трудом, невозможно правильно произнести даже большинство звуков чужого языка, включая и те, что похожи на аналогичные русские, но артикулируются иначе. К тому же любые отдельные звуки и буквы в реальности обретают смысл только комбинируясь в слова, а те, в свою очередь, по-настоящему реализуют свои потенциалы, лишь будучи выстроенными в определенном порядке в предложениях, сложенных по стандартным правилам языка. Самостоятельные попытки изучить язык, хотя бы на базовом уровне, теоретически возможны, особенно если речь идет только об умении читать и понимать текст, не произнося его. Однако и они требуют настойчивости, усидчивости и огромной силы воли, поэтому такие примеры редки. Как правило, сложные случаи остаются непонятыми, а сами результаты получаются ограниченными, ведь ни разобрать устную речь, ни сказать что-то, а тем более вступить в беседу на этом уровне невозможно. Все остальные варианты и вовсе обречены на провал, поскольку никак нельзя говорить на языке без тщательной подготовки (несколько заученных фраз не гарантируют полноценную коммуникацию).

Необходимо вместе с тем признать, что создание хорошего рисунка, тем более картины, в которых реализуется замысел художника, подразумевает большое умение и даже мастерство, не говоря уже о длительности этого процесса и обязательном наличии материалов и инструментов. Оно также опирается на предварительное знание, помогающее увидеть конструктивную основу, и правильно интерпретировать взаимосвязь и взаимозависимость составляющих, придать изображению целостность, не теряя характерные детали. Все это способствует верификации воссоздаваемой реальности через общие закономерности, что не мешает одновременно учитывать некоторые естественные искажения или особенности, присущие натуре. Попытки наглядно представить и систематизировать такое знание, а также дать подробное описание основных его элементов известны давно, о чем можно судить на примерах средневековых и ренессансных трактатов на эту тему, описываемых Н.Н. Ростовцевым [3, с.51-53, 73-78], а также ознакомившись с детальным трудом А.П. Сапожникова [4], созданным еще в первой половине XIX в. Между тем, вербальное воспроизведение мысли происходит мгновенно, а инструментарий в виде органов артикуляции и соответствующих центров головного мозга есть изначально у всех, кто способен говорить народном языке. Здесь правильно все то, что стандартно. Умение говорить или читать не требует ничего, кроме знаний и навыков, также подразумевающих понимание и корректное применение формальных показателей и учет семантических связей. Задача облегчается тем, что если основные принципы построения предложения уже поняты, то есть встроены в давно используемые системные связи, и к тому же накоплен большой словарный запас, все это можно использовать бесконечное количество раз. То же касается основ работы с изображениями, но там механические повторы и копирование шаблонов крайне нежелательны, поэтому востребованы только принципы и подходы.

В обоих случаях огромное значение также имеет продуманный план действий, который в искусстве выглядит не только как выбор сюжета и решение композиционных задач, но и подразумевает тщательную проработку поэтапной последовательности действий. В языке, если навыки и умения уже сформированы и есть соответственный багаж знаний, остается определиться лишь с тематикой и выбором подходящей стилистики. Для достижения относительно высокой степени уверенного и правильного использования языка требуется знание всех возможных схем выражения мысли в виде вопросов, утверждений, отрицаний, предположений и побуждений, типов инверсий и способов усиления названий действий или качеств, а также всех возможных видовременных форм, стандартных словосочетаний и многих тысяч слов, включая служебные (союзы частица, междометия), равно как и умения правильно все это произносить и распознавать в потоке речи, что превращает язык в исключительно удобный инструмент обмена, хранения и распространения информации или выражения мнений. К тому же он всегда с вами. Его нельзя выкрасть, повредить или потерять, а при регулярном использовании его невозможно забыть.

Говоря о затратах времени и труда, следует принять во внимание, что любая познавательная деятельность, растянутая на длительный временной период, кажется не столь трудной и дает лучшие результаты, но отсутствие такой возможности обычно приходится компенсировать интенсификацией усилий. Однако для облегчения процесса обретения знания имеет смысл использовать те компоненты общих навыков и тот запас сведений, который уже накоплен учащимися в других сферах деятельности, прежде всего в том, что им лучше всего известно. Наиболее естественным способом представляется опора на умение учащихся самостоятельно работать с предметами профессионального цикла [2], которое уже изначально есть у всех, кто выдержал вступительные испытания.

Отталкиваясь от упомянутых выше существенных различий в подходах к изучению языка и овладению основами изобразительного искусства, а также учитывая множество других принципиальных совпадений и отличий в этих сферах, мы получаем, возможность объективно оценить перспективы нахождения способов, позволяющих дать студентам возможность обрести базовые знания и навыки с минимальным для них напряжением сил и затрат времени. То, что студенты-художники постоянно имеют дело с формой, хорошо знакомы со

понятиями «структура», «композиция», «взаимосвязь», и способны осознать важность учета зависимости элементов друг от друга либо отношений частей и целого, благодаря чему отдельные детали обретают в произведении искусства соответствующие свойства и функциональные возможности, может оказать учащимся помощь, послужив исходным пунктом для построения будущего понимания системного устройства языка и его использования в речи или в тексте.

В большинстве случаев понимание – гарантия запоминания правильной последовательности действий в типовых ситуациях и основа для добавления новых знаний. Хотя одного понимания мало, оно имеет первостепенное значение, поскольку без него практическое применение за пределами родного языка невозможно, иначе придется запоминать бесконечное число слов и выражений на каждый случай, что, как показывает опыт, почти неосуществимо. Большое количество неструктурированных данных легче всего забыть, тогда как шансы запомнить ограниченное количество правильно понятых правил и стандартных алгоритмов многократно выше.

С учетом бесполезности попыток механического запоминания слов и фраз, с одной стороны, равно как и изложения теорий, оторванных от реальных речевых ситуаций, с другой, хотя и то и другое в принципе очень важно, а также при полной невозможности сразу начинать с разговорной практики (почти нет ни знакомых слов, ни умения их произнести и выстроить в предложение), целесообразно использовать прием, напоминающий многократное движение маятника ($\Leftrightarrow$), при котором теория постоянно верифицируется практикой, а перманентная нехватка знаний подпитывается теорией. Постоянное переключение внимания с одного на другое и практически одновременное их использование вместе воссоздают на самом низовом уровне алгоритмы действия сознания, занятого обработкой информации, обычно протекающие незаметно при достижении высокого уровня владения языком. Таким образом появляется возможность постепенного наращивания знаний и умений, а также закладываются основы будущего автоматизма, без чего не бывает живой речи.

Представляется, что лучше всего отталкиваться от специально подобранного нетрудного текста, непосредственно связанного с профильной для студентов специальностью, в котором имеются самые базовые языковые явления, они же – самые необходимые. По такому короткому тексту (для начала – не более 10 строчек) студенты могут сразу учиться читать и проговаривать слова, осваивая по ходу основные правила произношения, а также разбирать структурные построения и показатели времени. Проработав весь короткий текст, и повторив несколько раз ключевые слова, включая узнавание их на слух, а потом и устный их перевод в обе стороны (на русский/иностраннй язык), можно переходить к попеременному наполнению ими уже разобранных структур, сначала с опорой на имеющийся текст, а потом и не глядя в него. С этим же текстом, студентам полезно будет поработать дома, повторяя лексику и разобранные структуры, заодно разбираясь в способах постановки вопросов, информация о чем легко доступна в сети, где много обучающих сайтов. Даже если кто-то этого не сделает (к сожалению, далеко не все могут похвастаться ответственным отношением к заданиям), такие учащиеся, присутствуя в классе, также окажутся вовлечены в общую работу, получая возможность понять, как именно это делается, когда более старательные студенты будут отвечать. На примерах из текста, а потом с подстановкой разных слов оттуда же, обычно удается приучить большинство группы правильно и достаточно уверенно выполнять этот вид работы вслух. Неизбежные в ходе освоения нового ошибки постепенно исчезают, правда поначалу процесс приходится контролировать, но по мере избавления от ошибок (мы привыкаем алгоритмам, а знание помогает убедиться в правильности), скорость увеличивается, автоматизма становится больше. Так как слова и одни и те же грамматические явления постоянно повторяются, их начинают узнавать, потом появляется быстрое к ним привыкание. Со временем, по мере усвоения материала, размер текста увеличивается, равно как и расширяется круг грамматических явлений в нем представленных.

Отчасти нечто подобное иногда практикуют на самом низовом уровне занятий рисунком, хотя так его и не именуют. Все сразу начинается с практических заданий, в ходе кото-

рых учащийся начинает осознавать наличие отдельных проблем и готов получить разъяснения того, как их преодолеть. Сама работа строится как исправление ошибок по ходу и объяснений, что и как нужно делать, сопровождаясь разбором неудачных фрагментов на фоне позитивных образцов. Однако то, что в рисунке возможно за счет знания реалий или наглядных примеров, находящихся рядом, невозможно напрямую в изучении иностранного языка, пока грамматические показатели и хотя бы отдельные значения слов не станут мгновенно узнаваемы, обретая ту же изобразительность, что и предметы или ситуации.

Объяснения на основе текста способствуют исключению резких скачков и неожиданных сложностей, чем обеспечивает преемственность и более качественное усвоение новых данных. Со временем амплитуда маятника становится шире, захватывая все больше явлений и позволяя уверенней строить предложения устно. Фундамент знаний начинает приобретать большую прочность, несмотря на постепенное усложнение материала. Увеличивается и быстрота переходов от теории к практике. На каждом новом витке происходит и повторение пройденного и набор нового. По такой схеме, в миниатюре напоминающей эволюционную спираль, с теми, кто стремится к знаниям, можно многое успеть даже за ограниченный период, обычно выделяемый на иностранный язык.

Литература

1. Брагилевский Д.Ю. Информационные технологии и обучение переводу. // Вопросы методики преподавания в ВУЗе. СПб, Политех. Унив-т, 2018. Том. 7, № 24, с. 24-36
2. Брагилевский Д.Ю. О некоторых принципах интерпретации визуальной и текстовой информации // СПбГХПА им. А.Л. Штиглица: Сборник научных трудов... СПб, 2009. С. 154 - 159.
3. Ростовцев Н.Н. История методов обучения рисованию. Зарубежная школа рисунка. М., Просвещение, 1981. 192 с.
4. Сапожников А.П. Полный курс рисования. М. АЛЕВ-В, 2003. 160 с.
5. Nicolaïdes, K. The Natural Way to Draw: A Working Plan for Art Study Houghton Mifflin, Boston, 1969. 221 p.
6. Speed, Harold The Practice and Science of Drawing. London, Seeley, Service & Co. Limited, 1913. 297 p.
7. Wang, Thomas C. Pencil sketching. 2nd ed. John Wiley & Sons, Inc., New York, 2002. 115 p.